

Конференция проведена - 1989
- 26 сев.

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Я ВАМ ПИШУ...

Рукопись, четыре месяца назад повенчанная с издательством «Прогресс», родила книгу. В медицинской практике это называли бы «преждевременные роды». В жизни... В жизни это называется любовью к поэту.

Мне рассказывали, что рабочие типографии, где печатали книгу Марины Влади, поклялись: «Откажемся от перекуров, будем работать в две смены, но книгу сдадим к его дню рождения». И сдали.

Издано 15 тысяч экземпляров. Будет 100 тысяч. К сожалению, пока все. Потола нет, но нет и бумаги. Как мне сказал директор издательства «Прогресс» А. К. Авеличев, права на издание они готовы уступить всем, кто согласится печатать. На предложение уже откликнулись некоторые советские издательства.

Марина в черном бархатном костюме в обрамлении цветов и поклонников подписывала пахнущие типографией книжки, когда я вошел в этот литературный кабинет, чтобы узнать, что она думает и чувствует в это по своему редкое мгновение. Оставалось десять минут до официальной «инаугурации» книги, после чего та перестанет быть частью души автора, став всеобщим достоянием.

— Что я чувствую? Гордость. За него. За то, что он здесь так нужен. Я очень расстроена. Да, это именно то слово — трагический момент. Причем не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова — я наконец могу потрогать то, чем он стал. Словом. А он к этому так стремился.

— Почему вы решили написать эту книгу?

— Я хотела, чтобы все знали, как он жил, как он писал, как он умер, отчего. Я хотела, чтобы все знали правду, какой бы страшной она ни казалась.

— Книга написана в форме внутреннего монолога, когда тот, к кому ты мысленно обращаешься, стоит рядом и слушает...

— Моя книга — это письма ему. Неотправленные письма. Сотни таких писем я написала при жизни. Эти письма я посылаю ему сейчас. В них наша жизнь, а в жизни, как известно, бывает все — и прекрасное, и отвратительное, и любовь, и трагедии.

— Марина, с сестрами вы

написали «Бабушку», сегодня выходит «Владимир, или Прерванный полет». А с чего все началось? Я имею в виду писательскую историю.

— С писем. Я всегда любила писать письма. В школе я начала сочинять рассказы. Читала их в классе. Имела успех. Хотя я так мало прочитала в школе...

— В девять лет состоялся ваш творческий дебют — вы стали выступать на радио в радиопьесах и даже были ведущей одной детской передачи. Это было некоторым следствием ранней страсти к сочинительству?

— Нет. На радио я работала просто как актриса.

— Вы мне признались, что почти написали книгу рассказов. Почему не роман?

— Рассказ — это жанр, требующий колоссальной плотности мысли, чувства и формы. С детства я обожаю Чехова. Все время читаю его и перечитываю. Не расстаюсь с ним даже в поездках. Я люблю читать короткие рассказы, наверное, поэтому и стала их писать. (Кстати, и «Бабушка», и «Владимир, или Прерванный полет» — это россыпи рассказов под одной крышей-обложкой. — А. С.).

— Кому посвящена ваша будущая книга?

— Моей сестре Милице. Она умерла. Свои книги я посвящаю тем, кого уже нет со мной, тем, кого я любила. Книга, которая выйдет во Франции 6 апреля, так и будет называться «Рассказы для Милицы»...

— Кто для вас открыл дверь в мир большой литературы? Чехов?

— Он и еще Цвейг. В девять лет, даже в восемь лет я влюбилась в Стефана Цвейга. Любила и люблю. Потом были Бальзак, Мопассан, русская классика по-французски... Сегодня я всех русских авторов перечитываю по-русски. Остаток жизни хочу посвятить русской классике. Что я сейчас читаю? Ну, конечно, Чехова. И Булгакова. Удивительный...

— Ваше самое любимое литературное произведение?

— Может быть... — пауза. — Трудно сказать. Пожалуй, Льва Толстого «Смерть Ивана Ильича». Это шедевр. Абсолютный. Тут все: и стиль, и философия, и нежность, и динамизм, и доброта.

— Что вас, актрису, привлекает в писательской деятельности?

— То, что это свободная профессия.

— Как вы видите дальнейшую судьбу книги «Владимир, или Прерванный полет»?

— Только то что она была переведена на итальянский, готовится английский перевод. Но для меня самое важное то, что она вышла здесь, в России. Без единой купюры! Мне не понравилось, что книгу предваряет редакторский комментарий. Я бы предпочла, чтобы она начиналась, как и следует письму, — с чистого листа. Но это уже мелочи. Главное, что

Она снова прилетела к нему. На день рождения. С подарком. Вчера ему — для нее просто Володе, а для нас Владимиру Семеновичу Высоцкому — исполнился 51 год. Исполнился бы...

Лучший подарок — книга, — мы призывали к этой фразе. Она — нет. И, наверное, поэтому ее подарок ему — книга. О нем, о себе... Именно вчера произведение М. Влади «Владимир, или Прерванный полет» вышло в свет.

книга вышла и я держу ее в руках.

— Я позволю себе неожиданный вопрос: вы довольны собой, своей жизнью?

— Как можно быть довольной такой проклятой жизнью?! Нет, я недовольна. Это не то слово... Я просто живу.

Один из моих друзей, прочитав несколько опубликованных в газетах глав Мариной книги, осуждающе бросил: «Это не книга, это стриптиз какой-то. Так нельзя». Я думаю, Высоцкий, услышав такое, усмехнулся бы. Ведь он всю жизнь говорил и пел о том, «чего нельзя». И всегда начинал с себя. Что же до нее, до Влади, — нужно очень любить, чтобы написать такое. Любовь — это значит отдавать всего себя без остатка. Любовь — значит, помнить. По-моему, ее книга — это и то, и другое.

И был звонок. От первой читательницы. Я снял трубку и услышал плач. Женщина плакала от счастья. А может, от горя... Она со слезами благодарила Марину за книгу. В сентябре мы писали, что книга готовится к печати. И женщина позвонила нам, чтобы поделиться нахлынувшими чувствами.

Есть такая словесная формула «награжден посмертно». В ней нет логики (с точки зрения Жизни), но есть Справедливость. Книга Марины стала именно такой наградой. Ему. За подвиг, каким была его жизнь. За Правду.

А. СВИСТУНОВ.